

«ДЕНЬ» ТВОРЕНИЯ

Книга о русском времени

Александр Проханов. День. Роман. — М.: Наше Завтра, 2021. — 384 с.

БЫВАЮТ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ, масштаб и значение которых выходят далеко за рамки чисто художественного явления. Воскрешая на своих страницах события прошлого, они заставляют заново пережить те мгновения, которые оказали судьбоносное влияние на ход отечественной истории. Именно к таким произведениям относится новый роман Александра Проханова "День", посвящённый драматичным и трагическим событиям 1993 года. — Чёрному Октябрю, подавлению народного вооружения, танковому расстрелу Дома Советов с российским парламентом. Роман актуален прежде всего тем, что напоминает об истоках последующего либерального периода, едва не загнавшего Россию в пропасть. Последствия этого наваждения мы продолжаем чувствовать и по сей день, но то, как это всё начиналось, уже принадлежит прошлому и зачастую сводится к нескольким ключевым образам: почерневший Дом Советов, разнородная череда защитников народолюбия, продавшиеся Ельцину воинские части, уполнокоющая и аплодирующая каждому новому танковому залпу толпа обывателей... Однако этому кульминационному моменту противостояния между узурпировавшим власть Ельциным и законно избранным (хотя и далеко не безупречным по своему составу и качеству) Верховным Советом предшествовал ряд событий, определивших черты и последствия Чёрного Октября. Об этом — роман "День". В недавней нашей беседе Александр Андреевич, говоря о писательском призвании, сформулировал его суть в виде такой формулы: "Задача писателя — запечатлеть эту жизнь". Этой задаче он следовал на всём протяжении повествования. Непосредственный участник тех событий, с самого начала находившийся на стороне защитников Дома Советов, общавшийся со всеми руководителями народного вооружения, Александр Проханов представил бесценные свидетельства о людях, об их поступках и нравственных качествах, о человеческом мужестве и в то же время, о низости и предательстве. Писатель достоверно и в то же время с большой художественной силой передал атмосферу времени, тревожно гущающуюся в общем предчувствии надвигающейся трагедии.

"Советское время кончилось, началось неизвестно какое. Между советским и новым временем провели сапожником ножом, с хрустом расщели кожу, хрящи, сухожилия. Открылась рваная рана с бурлящей кровью. Кровь сверчалась, превращалась в сукровицу, в ржавую коросту. На коросту садились большие синие мухи. Перегибались, толстели, насыщались гнилым соком. Облепили шов тяжёлыми синими гроздьями. Страшно было тронуть муху, согнать. Муха полагалась, из неё брызгал гной, попадал на губы, в ноздри, в глаза. Было время больших синих мух..."

Общее течение романа разделено на две переплетающиеся линии. Главной художественной задачей для автора было запечатлеть события и атмосферу Чёрного Октября и всего, что ему предшествовало и сопутствовало. В то же время, Александр Проханов стремился сохранить и передать истории образы тех, с кем он находился в едином строю. В романе выведены фигуры как главных действующих лиц — Хасбулатова, Руцкого, Макашова, Ачалова и др., так и многих рядовых участников народного вооружения. В центре повествования постоянно находится редакция оппозиционной газеты "День", название которой стало названием романа. Газета "День", созданная Александром Прохановым (в романе — Виктором Куравлёвым), представляла собой уникальное явление, объединяя на своих страницах весь спектр патристических сил того времени. Она была главным печатным органом оппозиции, донося до своих читателей голос возмущённого народа во всей полноте и идейном многообразии. Сейчас трудно себе представить, но в те дни перед лицом надвигающейся диктатуры сплотились представители, казалось бы, идеологически несовместимых воззрений: коммунисты, монархисты, казаки, националисты, советские патристы... Все эти силы получали возможность выступить на страницах газеты "День".

"В атмосфере, в которой существовал "День", витали заадачные энергии, которые излетели из распадающейся плоти "крас-

ной страны". ...Бетонный монолит советской идеологии сохранил в себе множество бактерий из прежних, казалось, навсегда исчезнувших времён. Но монолит распался, бактерии вылетели на свободу, превратились в эпидемию. Появились эсеры, кадеты, обновленцы, троцкисты, кришнаиты, катакомбники, огнепоклонники, сектанты. Многие из этих эпидемий тут же гасли. Другие распространялись, укоренялись. Россия была инфицирована множеством неведомых прежде болезней, возникших из разрытых мозил. Газета "День", по мысли Куравлёва, должна была составить атлас этих идеологий..."

Сегодня, спустя без малого три десятилетия, имея в распоряжении множество раскрытых сведений, тайн и секретов, мы понимаем, сколь хрупким было то единство перед танковыми залпами. Роль многих участников, в том числе и руководителей вооружения, сегодня вырисовывается иначе, чем в те тревожные дни. Но одно остаётся несомненным — порыв, заставивший столь разных людей объединиться для противостояния злу, был продиктован стремлением отстоять идею народолюбия и сорборности перед угрозой национального предательства и коллаборационизма ельцинской власти.

Важное значение имеет эпизод встречи Куравлёва с миллиардером Лухтомским. Циничный и безжалостный, убеждённый в потенциальной продажности каждого человека, Лухтомский пытается "купить" Куравлёва, предлагая ему выгодные условия для сотрудничества. В процессе разговора миллиардер протравливает концепцию дальнейшей судьбы России, уготованной для неё новыми "демократическими" хозяевами жизни:

"— Идёт великий отбор, Виктор Ильич. Идёт чистка конюшен. Из общества выматывается всё ненужное, обременительное, лишнее. Зачем, скажите на милость, такое количество оборонных заводов? Врага больше нет. Америка не враг. Она помогает нам в это трудное время. Германия помогает, Франция. Зачем нам, к примеру, завод "Севмаш", который выпускает подводные лодки? Не нужны эти лодки, океан становится мирным. Нужны нефтяные танкеры, круизные лайнеры, яхты. ...Зачем, я вас спрашиваю, нам Дальний Восток, Сахалин, Курилы? Мы их не можем освоить, они нерентабельны. Япония их освоит и заплатит нам процент от дальневосточных доходов..."

Куравлёв отвергает предложение, и атакует Лухтомского разоблачительной публикацией в газете "День". И сразу же становится жертвой покушения, которое лишь по случайному стечению обстоятельств не удаётся.

Роман органично погружает читателя в атмосферу начала "девяностых", и опосредованно даёт возможность ощутить, почувствовать, насколько изменилась атмосфера в обществе за прошедшие годы. В каком-то смысле тогда было проще: вот "мы", а вот "они", здесь — "свои", там — "чужие". Годы безраздельного либерального владычества не прошли бесследно. Появились поколения деморализованной молодёжи, искренне презирающей своё отечество и мечтающей "свалить". Октябрь 1993 года стал вехой разделения между советским прошлым и будущим, которое российский народ тогда ещё не различал. За период "демократических реформ" антисоветизм стал едва ли не официальным элементом государственной идеологии, что и сегодня явственно проявляется в виде закамouflированного Мавзолея во время Парада Победы. Вплне положительные слова "демократия" и "либерализм" обрели ярко выраженный негативный оттенок, став чуть ли не ругательными. Ярko в романе показана деградация либеральной интеллигенции, ринувшейся выслушиваться перед новой властью в надежде получить кусок пожирнее ценой предательства собственного народа и государства:

"... Коммунистические негодити хотят взять реванш. Мы проехали недопустимую халатность и не вырвали с корнем сорняк. Теперь этот сорняк расцветает. Нужна прополка. Сорняк должно вырвать. Гадина должна быть добитой!"

Некоторые из этих "деятелей культуры", подписавших одиозное "письмо 42-х" в "Известиях" с призывом к расправе над оппозицией, впоследствии пытались как-то "облагородить", обосновать своё нравственное падение. Один знаменитый поэт, ныне покойный, при-

Баррикадники 1993 года. Фото Андрея Зимина

пытке задать вопрос о факте его подписи под позорным документом, просто впадал в истерику. Но имена этих людей стоят под газетной публикацией, и суд истории над провокаторами неизбежен.

Одним из самых драматичных моментов романа является место, где описывается время непосредственно перед началом штурма Дома Советов. Народное ополчение представляет собой неорганизованное и необученное воинство искренних людей, представителей разных социальных слоёв, носителей зачастую противоположных политических убеждений. Вооружение, хранившееся в Доме Советов, загадочным образом было вывезено до начала активной фазы вооружения. Отсутствие эпизода среди вожakov окончательно обусловило поражение. Эпизод попытки штурма телецентра Останкино также исполнен драматизма и внутреннего надлома.

Роман держит в постоянном напряжении, последовательно раскрывая разные аспекты российской трагедии Чёрного Октября 1993 года. Александр Проханов следует своей творческой задаче, фиксируя наиболее важные события и черты времени, которые, при осмыслении, могут дать ключ к пониманию произошедшего. Добросовестно и вдохновенно выполняя долг летописца истории, писатель никогда не остаётся "над схваткой". Всегда и во всех ситуациях он на стороне народа и государства — в победах и поражениях, в прозрениях и заблуждениях. Знаменитый английский писатель Джордж Оруэлл, размышляя о литературном призвании, вывел точную формулу: "За исключением низкопробной беллетристики, литература — это попытка повлиять на взгляды современников путём записи жизненного опыта". В полной мере это относится к Александру Проханову. Он не просто пересказывает события, а стремится передать читателю своё восприятие, именно повлиять на его взгляды.

"Куравлёв внимал, старался запомнить, уберечь каждое слово и жест для будущей книги. Репортёр, газетчик, он был летопис-

сец, писатель, "теец во стане русских воинов". Время, состоящее из этих быстролётных мгновений, было русским историческим временем. Россия, как героиня мясорубки, прокручивала ещё один поворот своей истории. Время хрустело, хлопало, чавкало, ползало вязким перелопотым месивом. Среди этого хруста и кровавого сока Куравлёв напишет свою книгу..."

Лирическая линия романа, взаимоотношения Виктора Куравлёва с женой и детьми, с сотрудниками редакции "Дня", разговоры с деятелями оппозиции и простым народом — всё это, а также многое другое представляет собой обширный фон, на котором осуществляется свой величественный и необратимый ход беспощадная логика истории. Значение романа "День" прежде всего в том, что на его страницах Александр Проханов запечатлел переломный момент истории России, после которого возврат к прошлому был уже невозможен. После Чёрного Октября 1993 года наше Отечество проделало большой путь, чтобы увидеть наконец просвет во тьме. Но до полной победы ещё далеко. Много осталось непреодоленного наследия эпохи русского поражения: либеральных комплексов, ложных и чуждых ценностей, неотомщённого поругания святынь, бреда "возвращения к истокам". Многие придётся возвращать волевыми усилиями, многое придётся воссоздавать заново. Для того, чтобы это случилось, нужно уметь извлекать уроки из прошлого. Об одном из важнейших событий этого прошлого — новый роман русского советского писателя Александра Андреевича Проханова.

Иван ГОЛУБИЧИЙ

Книгу Александра ПРОХАНОВА можно приобрести в День-магазине +7 (499) 350-17-79, pochta@den-magazin.ru, день-магазин.рф

Пётр Калитин. Краткая энциклопедия русской оригинальности. — М.: Институт общегуманитарных исследований, 2020. — 268 с.

ПИСАТЬ О КНИГЕ, как и о других изданиях философа Петра Калитина одновременно нелегко и радостно. Почему нелегко — чуть позже, а радостно от того, что это — мой, так сказать, этический долг, а возвращать долги всегда приятно. Дело в том, что семь лет тому назад в Литинституте проходила защита моей докторской диссертации, посвящённой судьбе русского реализма. В ходе прений слово взяла завзятая либералка Мариэтта Омаровна (Кошмаровна, как её обзывают студенты) Чудакова и минут эдак сорок разносила мою работу. Главный тезис: от этой диссертации веет 37-м годом. В аудитории повисла атмосфера тревоги.

ЧАРОМУТИЕ

И тогда поднялся Пётр Вячеславович Калитин и чётко, лаконично, как по нотам, растолковал членам диссертационного совета, что всё обстоит диаметрально иным образом. Тем самым он склонил чашу весов в пользу диссертанта — голосование принесло успех при двух "чёрных шарах" (что бросил второй я догадываюсь, но писать не буду).

Но почему же писать нелегко? Думается, что любой, кто имел дело с прозой или публицистикой (в стихах он более традиционен) Калитина, поймёт манеру. Вся сложность состоит в изощрённой стилистике этих текстов. Он буквально взрывает, взламывает привычное наЧЕРТание (образец его стиля) слов, внедряет в них латиницу, выделения, неожиданные знаки препинания, например, занятый из арифметики знак равенства =.

Со стороны может казаться, что Пётр Калитин следует по пути пушкинских Сальери, который "музыку разял как труп". На самом же деле задача автора совсем иная: он стремится до глубинных истоков русского Слова, вскрыть его сакральное значение, донести до сегодняшних глаза и слуха то, что спрятано на дне языка.

В своих устремлениях Калитин отнюдь не одинок. Сразу на ум приходит рыцарь силлабика Симеон Полоцкий, писавший на четырёх языках: русским, белорусским, украинским и польским. Кстати тут будет и адмирал А.С. Шишков, конструировавший новую славянскую лексику. Вспоминается Велимир Хлебников с его наволочкой, набитой клочками бумаги, на каждом из которых значилась фраза, слово или часть его, и поэт, наудачу выуживая их, пытался обрести новое знание. Аналогичными вещами занимались Маяковский (вообще, футуристы), Сельвинский, Кручёных, конструктивисты, Вознесенский с его видеоманьями. Из ныне живущих — профессор Владимир Гусев, по части выделений не уступающий Калитину.

То же самое можно сказать и о зарубежном опыте. В том же направлении двигались французские символисты, затем — дадаисты, сюрреалисты, представители Венской школы поэзии и конкретной поэзии (Эрнст Яндль и др.). Примерно тем же занимались выходцы из России Сергей Сигей и Ры Николаева, копавшиеся на Западе.

Однако, у большинства перечисленных во главу угла ставится чистая форма, словесная эквилибристика, жонглирование языком. Калитиным движет религиозное чувство. Не забудем, что он — крупный специалист по трудам митрополитов Платона (Левшина), Филарета Московского, Евгения (Болховитинова), других отцов церкви и неутомимый издатель их сочинений.

В своих работах Пётр Вячеславович пытается на практике реализовать своё понимание речевых процессов. Его задача — докопаться до изначальной семантики нашего Слова, расшифровать корнесловные имени, как выражался покойный Пётр Паламарчук, вытянуть из глубин языка сокровенное. В этой связи его стилистика близка историко-филологическим изысканиям Михаила Задорнова, за которые на голыцу сатирика сыпалась шишки со стороны академических учёных до конца его дней.

«Краткая энциклопедия русской оригинальности» Петра Калитина

цина и Путина. Везде отчётливо проявляется государственно-патристическая позиция, хотя докопаться до неё удаётся не сразу. Вот, например, что сказано в главе об эти перестройки:

"К М.С. ГОРБАЧЕВУ отношение — самое жгизнеадастное и, надеюсь, адастнное — органичегоски..."

Ведь именно при нём, демонакрадичьно = "мессински": меченом — пере — супер — — троечно: по-навьему = однозначно = ката: феерично! — обесумсмыслится: суперпозидично — обескуражились! — наша имперская: и по-совет(о) ски — космо: планда, рАзстащие — "совершенно" = "естественно": суперА = неАбсурдно — диалекдичьно = самонеобдыдло..."

На первый взгляд, выделения, шрифтовые и пунктуационные решения не имеют системы. Но приглядевшись, как раз за разом буквосоочетания метаморфозируются (ес превращается в yes, tw — в TV, ин — в ИНН, сс — в SS, а то и в SSZZ), понимаешь, что логика в этой пестроте присутствует. То же и на словарном уровне: гламур всюду заменяется ХЛАМуром, сугубо звучит как сугрубо, а прогрессивно пишется исключительно как прогрессZZивно.

В глазах, конечно, рябит от такой пестроты, и взгляд читателя отдыхает, когда останавливается на острове отосительно привычного текста. Калитин допускает это, в частности, излагая свою биографию, при перечислении имён собственных и в ряде других случаев.

Рассказывают, что "мирикусник" Лев Бакст как-то упрекнул Пабло Пикассо в том, что он просто не умеет рисовать, на что тот взял карандаш и чуть ли не одним росчерком изобразил портрет своего визави, доказав обратное.

Очевидно, массивированные выделения и эксперименты со шрифтами не всем придутся по нраву. Мигель де Унамуно в "Тумане" говорит о том, что автор, злоупотребляющий выделениями, как бы даёт сигнал читателю: "Обрати внимание, болван! Тут важная мысль". Правда, и сам он не удержался от игры в слова и обозначил жанр своего сочинения как "рyman".

Вот и доктор философских наук, эксперт Избурского клуба, несомненно, сознаёт, что творит. Писать, как все, он, конечно, умеет, но это, как говорится, — не его фишка. Это — его выбор, его путь, и мы обязаны это уважать. Но обязаны предупредить: шансы на широкое признание невелики. Хотя, вероятно, Пётр Калитин рассчитывает найти благодарного читателя в отдалённом будущем. Некоторые тенденции к этому видны уже сегодня: элементы калитинского метода часто встречаются в стилистике интернет-сообществ, социальных сетей и смс-сообщений.

Так же мала вероятность перевода этого текста на иностранные языки. Но эта беда невелика: что за рубежом понимают в русской оригинальности? Мы же подчеркнём, что личность самого Петра Вячеславовича Калитина тоже является проявлением нашей национальной самобытности.

Сергей КАЗНАЧЕЕВ

Игорь Шнуренко. Демон внутри. Анатомия искусственного интеллекта. — М.: Наше Завтра, 2021. — 512 с.

"В 1770 ГОДУ австрийский изобретатель Вольфганг фон Кемпелен сконструировал "шахматный компьютер", прозванный "Механическим турком". Он хотел произвести впечатление на императрицу Марию-Терезию, и это ему удалось. Он возил машину, которая выигрывала почти все матчи, по всей Европе и даже по американскому континенту.

Секрет устройства был прост: внутри машины скрывался талантливый игрок в шахматы, который через оптический систему мог видеть, что происходит на доске. Зрителей, убеждённых, что с ними играет машина, попросту обманули. Через 160 лет Amazon.com не без юмора назвала "Механическим турком" свою краудсорсинговую платформу. Ее целью было восполнить недостатки искусственного интеллекта, который не смог справиться с задачей распознавания дублей пользовательских страниц на своей торговой онлайн-площадке.

После долгих и бесплодных попыток как-то наладить работу системы инженеры обратились к людям, поручив им работать в параллель с компьютерами. Джефф Безос, которому и принадлежала идея "Механического турка", назвал платформу "искусственным искусственным интеллектом". Безос объяснил принцип её работы так: "Обычно человек обращается с запросом к компьютеру, и тот выполняет запрос. Но "Механический турок" делает всё наоборот. Перед компьютером стоит задача, сложная для него, но очень простая для человека. Поэтому вместо того, чтобы обратиться с запросом к компьютерному сервису, чтобы выполнить функцию, оно обращается к человеку".

Людям платят по несколько центов, если они обнаружат страницу-дубликат существующего сайта — с этой простой задачей искусственный интеллект справиться не может. И в случае "Механического турка" для Марии-Терезии, и в случае его современного аналога человек работает за машину, а перед зрителями (и инвесторами) разворачивается спектакль "искусственного интеллекта", который якобы в одиночку решает задачи.

Платформа была запущена в 2005 году, и уже через пару лет после этого на нее работало 100 тысяч "турок", которые получали микровознаграждения за выполнение простых задач, требующих обычно одного или нескольких ки-

ДЕМОНЫ ПРОГРЕССА

О книге Игоря Шнуренко

ков мышкой. Безос сумел продать услугу другим компаниям, развивающим искусственный интеллект: они должны платить "Амазону" 10 процентов стоимости каждой операции или полцента за все операции, стоимость которых меньше цента.

Невидимый, скрытый, малооплачиваемый труд отдаётся на аутсорсинг или краудсорсинг многочисленным "кликерам" из стран Третьего мира, которые сегодня присваивают данным ярлыки, классифицируют цифровые архивы для того, чтобы "кормить" этими данными прожорливые нейросети. Часто, впрочем, этот труд не оплачивается, например, в случае программ геСАРСНА, когда вы выполняете работу по распознаванию образов для нейросетей "Гугла" просто за то, чтобы продолжить пребывание на его сайте. Это делается под тем предлогом, что вы должны доказать, что сами не являетесь искусственным интеллектом.

Как выясняется, современный "искусственный разум" не так уж и разумен. В работу систем, которые продаются как "разумные" и "принимające решения", вложено много физического труда шахтёров и взрывотехников, моряков, грузчиков, складских работников, монотонного труда сборщиков на конвейере, сотен тысяч "когнитивных кликеров" и "механических турок", а также неоплачиваемого труда миллионов простых пользователей".

В книге рассказывается об искусственном интеллекте как о величайшем творении человека, которое было создано для того, чтобы привести людей к полной и безграничной свободе. Однако, не оказалось ли человечество в итоге в новом рабстве?

Автор приглашает читателя в анатомический театр, в котором вскрывает организм самой мощной и таинственной индустрии мира, где куется технология, которые вышли прямо из сериала "Чёрное зеркало". Это целая пирамида из материальных ресурсов, знаний и подневольного человеческого труда.

Как нам выжить в борьбе с демоном, которого мы сами и породили? Автор ставит, например, вопрос, может ли ИИ создавать литературные произведения, в том числе —

фантастические? Конкуренция на рынке внимания обостряется, и издатели готовы попорбовать эти технологии, чтобы сэкономить на авторах и оперативно выдать на-гора нужное количество актуального книжного продукта. Справится ли ИИ с задачей? И заметят ли люди, что тексты книг созданы машиной? Произведения будут фабриковать, узнав людские предпочтения, и начав использовать подобное, уже не смогут остановиться. Возможно, возникнет гибридная литература, писательские фабрики и читательские фермы, где будут созданы компьютерные условия для тех и для других, а смыслами будет наслаждаться сам искусственный интеллект.

В книге масса сведений и об истории зарождения киберидеологии. Среди тех, кого можно назвать отечественными предтечами — Александр Святогор (Александр Фёдорович Агиенко, 1889—1937), анархист, литератор, поэт, философ, воинствующий безбожник, один из основателей биокосмизма, считавший, что в новой (революционной) реальности человек станет бессмертным.

Отдельный небольшой раздел книги посвящён современному состоянию кибермифологии, новым надеждам, в том числе — на постчеловеческую вечность.

Например, рассказывается о "Церкви Тьюринга", ещё одной "мета-религии", работающей на пересечении религиозной практики, науки и технологий. Итальянский адвокат, физик, специалист по искусственному интеллекту и криптовалютам, бывший ведущий сотрудник Европейского космического агентства, Приско называет себя "христианским трансгуманистом".

По мнению Приско, трансгуманизм вдохновлен идеями космизма, которые находятся на грани между сексуализмом и трансцендентностью, то заходя на территорию религии, то её покидая...

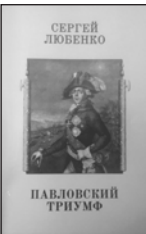
Просвещение, которое базируется на научном мировоззрении, лишило многих людей чувства цели, считает Приско, а трансгуманизм призван вернуть его им.

Алексей ГОНЧАРОВ

ХВАЛА ЦАРЮ

Поэтический сборник Сергея Любенко

Сергей Любенко. Павловский Триумф. — М.: Профессинал, 2021. — 104 с., илл.

КОМПОЗИЦИЯ "ПОЭТ И ЦАРЬ" в Русском культурно-историческом контексте, можно сказать, константанта... Но понимание оной, особенно в последние век-два, редуцировало до довольно плоского "социологизующего" и "политизирующего" ракурса, коему, однако, доступна лишь "поверхность вещей" (и то, в лучшем случае), но не их "глубина"... Коснёмся кратко словословно сих "глубин"... "Высшее значение Монарха прозрели у нас поэты, а не законоведы!", отметил Н. Гоголь. Се — воистину так, но в подмеченном Николаем Васильевичем "факте" просвечивала древнейшая Традиция, быть может, для Европейского ареала, имевшая наиболее рельефное выражение в традиции северной, где сакрально-политический "статус Поэзии" был особо велик. Каждый "уважающий себя" Конунг почитал необходимым "привечать" Поэтов ("скальдов" или как бы они ни назывались). Скальд может написать такой стих, что принесёт удачу, а может, напротив, написать такое, что ляжет проклятием на Конунга и его дом... Поэт может прославить имя и деяния Монарха, а может обезвредить... В России XVIII — начала XIX века, сия древнейшая Традиция обрела "второе рождение". Наши пииты того времени охотно и часто писали стихи, посвящённые венценосным особам, и се — не была банальная

Роман РАСКОЛЬНИКОВ